

ПОНЯТИЕ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ УВЕРЕННОСТИ В ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Р. ЛЭЙНГА¹

Н.В. Копцева

Предпринята реконструкция системы понятий английского психиатра, феноменолога Р. Лэйнга, характеризующих общепсихологическую часть континуума «онтологическая уверенность – неуверенность». Точкам, расположенным в границах этого континуума, соответствуют основополагающие экзистенциальные положения уверенности – неуверенности, воплощенности – невоплощенности (ментального Я в теле), та или иная мера надежности структурирования бытия-в-мире и разноуровневая система переживаний.

Ключевые слова: бытие-в-мире, экзистенциальные положения, онтологическая уверенность – неуверенность, воплощенность – невоплощенность, переживание.

Постановка проблемы. Термин «онтологическая уверенность»² принадлежит английскому экзистенциальному психиатру Р. Лэйнгу, который почти не известен отечественным психологам. В его книге «The Divided Self. An existential study on sanity and madness» [21] («Расколотое Я») [11] во всей полноте развернута феноменология онтологической неуверенности, соответствующая переходу от шизоидного способа бытия-в-мире (который, несмотря на присущий ему трагизм, автор считает здоровым) к психическому шизофреническому. Помимо обозначенной части континуума проявлений онтологической неуверенности Р. Лэйнг намечает также (в общих чертах, в мере, которую диктует предмет исследования) его точки, тяготеющие к противоположному полюсу – онтологической уверенности. Ограничиваясь клиническим аспектом, он обращал внимание на важность общепсихологической проблематики онтологической уверенности – неуверенности: «Вообще говоря, очевидно, что обсуждаемое здесь нами с клинической точки зрения является лишь небольшим примером чего-то, во что глубоко вовлечена человеческая природа и во что мы можем привести лишь частичное понимание» [11, с. 35].

Как феноменолог Р. Лэйнг сознательно отказывался от сколько-нибудь развернутой теории [11, с. 16], поэтому на пути к цели развития общепсихологической концепции онтологической уверенности стоит задача реконструкции концепции онтологической неуверенности Р. Лэйнга [5].

В немногочисленных, преимущественно философских работах, затрагивающих твор-

чество Р. Лэйнга, основания антипсихиатрии (с которой оно обычно ассоциируется), понятие «онтологическая уверенность» до сих пор почти не обсуждалось [1, 2, 8, 9, 14, 16, 18].

Анализ западных источников позволяет согласиться с выводом О.А. Власовой о том, что на фоне огромного фактического и аналитического материала многочисленных исследований жизни и творчества Р.Д. Лэйнга отмечается объединяющее их однообразие: «все они похожи друг на друга: в каждой из них приводится биография Лэйнга и анализируются его основные работы периода 1960 – 1970 гг. Несомненным недостатком этих работ является отсутствие концептуальных обобщений» [2, с. 12–13]. Как правило, отсутствуют сведения о наличии на Западе дальнейших разработок проблематики онтологической уверенности как альтернативы онтологической неуверенности.

Очевидно, что требуется определение статуса понятия «онтологическая уверенность» в рамках подхода Р. Лэйнга. Употребление привычных психологических терминов «уверенность–неуверенность» с эпитетом «онтологический» указывает на то, что они имеют отношение к бытию-в-мире, которое представляет собой человек.

Бытие-в-мире и составляющие его элементы

В составе индивидуального бытия Р. Лэйнг различает две принципиально различные между собой «составляющие». Первая – это его **центральный анклав Я**. Вместе с **ментальным Я**, к нему относится тело как «ядро истинного Я» [11, с. 60]. Особенность тела как элемента бытия-в-мире заключается

в том, что оно «явно занимает двусмысленное переходное положение между «мной» и миром. С одной стороны, оно является сердцевинной и центром моего мира, а с другой – оно есть объект в мире других» [11, с. 140].

«Стороны бытия личности за пределами анклава Я» [11, с. 86] – обозначаются как **Другой, Мир, Не-Я**. Их объединяет то, что, входя в состав бытия-в-мире, они не являются его необходимой частью. Специфику этой составляющей бытия-в-мире можно проиллюстрировать на примере отношений человека с другими людьми. «Существует еще один аспект бытия человека... Он заключается в том, что любой человек в одно и то же время отделен от своих собратьев и связан с ними. Подобные отделенность и связанность являются взаимно необходимыми постулатами. Личностная связь может существовать лишь между бытиями, которые разделены, но не изолированы. Мы не изолированы, но мы и не являемся частями одного и того же физического тела. Мы имеем здесь парадокс – потенциально трагический парадокс, – состоящий в том, что наша связанность с другими есть существенный аспект нашего бытия, точно так же, как и наша отделенность, но любой индивидуум не представляет собой необходимую часть нашего бытия» [11, с. 18]. Представленные характеристики описывают «идеальную форму» структуры бытия-в-мире, которая не отменяет наличия у человека собственной «схемы всего сущего» [11, с. 16].

Онтологическая уверенность – неуверенность, воплощенность – невоплощенность как экзистенциальные положения

Человек может быть собой только в своем мире и посредством него [11, с. 10]. Этот мир Р. Лэйнг вслед за Гегелем понимает как единство данного и построенного [11, с. 204], в котором «элементы мира, приобретают ту или иную иерархию значимости» [11, с. 38]. Иерархия элементов бытия-в-мире, характер связи между ними, нормативность границ, прочность – шаткость основания конструкции бытия-в-мире, гибкость–жесткость возводимой на нем надстройки, различение фантазии и реальности определяют уязвимость – надежность структурирования существования в целом. Обозначенным различиям и соответствуют онтологическая уверенность – неуверенность и (если следовать логике Р. Лэйнга) все точки, расположенные в границах этого континуума, определяемые им, во-

первых, как **основополагающие экзистенциальные положения, позиции** [11, с. 33, 34, 37 и др.], *existential position, basic existential position* [21, с. 39], которые Е.В. Косилова называет в качестве соответствующих синонимов «экзистенциал», «подспудная жизненная установка» [7, с. 97; 8, с. 133]. Представляется, что «экзистенциальное положение» можно рассматривать в качестве онтологического аналога введенного Л.С. Выготским понятия «социальная ситуация развития», подразумевающего своеобразное, специфическое исключительное, единственное и неповторимое отношение с окружающей действительностью, прежде всего социальной [3, с. 258].

Оппозиции экзистенциальных положений уверенности – неуверенности у Р. Лэйнга соответствует **другая оппозиции экзистенциальных положений** (*basic existential settings* [21, p. 67], *position in life* [21, с. 66]): **воплощенность** (ментального Я в теле) «обычного» человека – **невоплощенность** шизоида, шизофреника (*embodid – unembodid self*), являющаяся одним из ключевых моментов его концепции.

Е.В. Косилова обращает внимание на то, что Лэйнг пишет о «теле», но имеет в виду не физическое тело, а комплексное «нечто», которое в современной науке называют именно словом «поведение» [8, с. 105]. В экзистенциально-феноменологической традиции тело как физический объект дифференцировалось от тела как экзистенциала человеческого существования. В этом смысле у человеческой телесности нет границ, все воспринимаемое входит в него, границы тела совпадают с границами человеческого мира [2, с. 98]. У Р. Лэйнга присутствует понимание тела (и соответственно воплощенности) в обоих смыслах, которые он принципиально не разводит. Несводимость воплощенности – невоплощенности (ментального Я в теле как физическом объекте) раскрывается на примере патологического процесса, в ходе которого шизоид пытается превратить себя в субъекта без какой-либо объективной экзистенции, отделив истинное, внутреннее Я от воплощенного, доступного взорам и влиянию других. При этом его тело превращается в ядро «системы ложного Я», личину, маску. Ментальное Я шизоида «предается фантазиям в замкнутом мире своих собственных объектов и наблюдает за ложным Я, в одиночку занимающимся жизнью в разделяемом с другими мире» [11, с. 145]. Не проявляющее себя ни в общении,

ни в деятельности, истинное **Я** выступает в качестве чисто ментальной сущности, супер-сознания или «несчастливого сознания» (выражение Гегеля). Воплощенность – невоплощенность у Р. Лэйнга имеют непосредственное отношение к подлинности – неподлинности существования. Он приводит рассуждения Гегеля о **подлинных** действиях и бытии, которые могут устоять при столкновении с «предметной стихией», с миром и **мнимых**, внутренне ничтожных, которые подобного столкновения не выдерживают. Невоплощенность означает, что действие, поведение, принадлежащие ложному **Я**, не являются действительным бытием, выражением ментального **Я**. При этом Р. Лэйнг не ссылается на понятие отчуждения (одно из центральных в философии Гегеля), однако невоплощенность может быть понята и в категориях объективации, отчуждения как отношения человека к реальности, которую он сам создал.

Проблематика отчуждения, хотя и имеет клинический аспект, но не сводится к нему. Э. Фромм указывает на связь между употреблением слова «отчуждение» в клиническом смысле применительно к душевнобольному, которого называли *aliene* (франц.) или *alienist* (от англ. – врач, лечащий душевнобольных) и, в более широком смысле, подразумевающим «такой способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое. Он становится как бы отстраненным от самого себя. Он не чувствует себя центром своего мира, двигателем своих собственных действий, напротив, он находится во власти своих поступков и их последствий... Отчужденный человек утратил связь с самим собой, как и со всеми другими людьми. Он воспринимает себя, равно как и других, подобно тому, как воспринимают вещи – при помощи чувств и здравого смысла, но в то же время без продуктивной связи с самим собой и внешним миром» [19, с. 372–373].

В отличие от невоплощенного **Я** как структуры «несчастливого сознания», воплощенное **Я** у Р. Лэйнга выглядит крайне расплывчато и неясно, представляет собой скорее некую систему персонифицированных витальных сил [14, с. 66]. Для определения того, что представляют собой психологические феномены онтологической уверенности и воплощенности, важно отметить их неоднородность. Р. Лэйнг подразумевает здесь не только онтологическую уверенность, воплощенность ментального **Я** в теле «обычного» человека,

позволяющие ему справляться с повседневными жизненными трудностями, непреодолимыми для шизоида, но и нечто большее, соотносимое с психологическим здоровьем. Следуя логике Р. Лэйнга, можно сделать вывод о том, что полной противоположностью экзистенциального положения онтологической неуверенности, невоплощенности, «несчастливого сознания» является не просто сознание «обычного» человека, идентифицирующего себя в пространстве и времени с собственным физическим телом, а сознание, для которого в современной отечественной философии и психологии есть соответствующий термин: **бытийствующее сознание** [10, с. 10]. Такое понимание характеризует современный подход к сознанию, предполагающий, что оно не только познает, наблюдает действительность, но участвует в ней, представляет собой особый уровень бытия [15].

Онтологическая уверенность как онтологическое чувство

Онтологическую уверенность (неуверенность) Р. Лэйнг определяет, **во-вторых, как «переживание человека самого себя вместе с другими в его мире»** [11, с. 139], переживание «надежности бытия в этом первичном эмпирическом смысле» [11, с. 37] («жизнь без ощущения жизни» [11, с. 35]), в качестве онтологического чувства, характер которого связан с соответствующим экзистенциальным положением.

Идея выделения «онтологических чувств» принадлежит Хайдеггеру. Экзистенциализм отличает от предшествующей ему рационалистической философии, обращение к непосредственным переживаниям человека. «Не разум, не рефлексия открывают человеку его существование и основные свойства мира. Напротив, от разума, который неизбежно мыслит объективно, нужно избавиться, погружаясь в то или иное «онтологическое чувство». Настроенности, онтологические чувства, к числу которых относятся чувство «заброшенности», ужаса (тревоги) открывают человеку его существование, являются ключами ко всему «бытию-в-мире», характеризуя его в целом, в наиболее фундаментальных чертах» [16, с. 51]. Хайдеггер различает ту или иную онтологическую «настроенность» (*Gestimmtheit*) человека на мир в целом и частные онтические настроения, эмоции, в которых она проявляется. Так, в соответствии со статусом «онтологического» и «онтического»,

он проводит различие между Furcht («онтическим» страхом, которому присущи очерченность причины и предмета) и Angst (ужасом, онтологической тревогой), имеющим отношение к человеческой реальности в целом [20, с. 20–21].

«Расколотое Я» посвящено онтологическому чувству, которому Р. Лэйнг дал название хотя и семантически близкое, но, на наш взгляд, не сводимое к тревоге: небезопасность, незащищенность, неуверенность, представив его альтернативу – онтологическую уверенность. В существовавших в то время толкованиях экзистенциальной тревоги противоположный ей полюс был обозначен теологическим понятием веры (у Кьеркегора) и его мирским вариантом экзистенциальной отваги (у П. Тиллиха) [12].

Р. Лэйнг не пользуется термином «онтический», однако в соответствии с тезисом «онтологическая уверенность – фундамент той уверенности, от которой зависит любая другая уверенность» [11, с. 36], онтологическая уверенность рассматривается им как корень целой системы переживаний, обозначаемых обычно как онтические. Последние могут быть отнесены к двум уровням таких переживаний.

Базовый уровень неспецифических переживаний онтологической уверенности – неуверенности

Здравый смысл переживания себя в мире согласно Р. Лэйнгу проявляется в том, что человек обладает «чувством своего присутствия в мире в качестве *реальной, живой, цельной и, во временном смысле, непрерывной* личности. Как таковой, он может жить в мире и встречаться с другими: мир и другие переживаются как *в равной мере реальные, живые, цельные и непрерывные*. Подобная, в своей основе онтологически уверенная личность будет встречать все жизненные опасности (социальные, этические, духовные и биологические) с твердым ощущением реальности и индивидуальности самого себя и других людей. Зачастую для такой личности с подобным чувством своей неотъемлемой самости и *личностной тождественности, неизменности вещей, надежности природных процессов, субстанциональности природных процессов, субстанциональности других* очень трудно перенестись в мир индивидуума, чьим переживаниям чрезвычайно недостает неоспоримой самообосновывающей определенности»

[11, с. 33]. Приведенные определения можно рассматривать в качестве составляющих «дискретные» переживания онтологической уверенности базового уровня, имеющие ценностный характер. Эти переживания, будучи «разнесены» по разным элементам бытия-в-мире (Я, мир, вещи, природные процессы, другие люди), не являются специфическими для этих элементов, а выражают смысл, который им придает человек.

Описанные выше переживания имеют прямое отношение к воплощенности, так как по факту в первую очередь относятся к собственному телу человека, от которого он себя не отделяет. «...В той степени, в какой человек ощущает свое тело живым, реальным и субстанциональным, он ощущает себя живым, реальным и субстанциональным³. Большинство людей чувствуют, что они начались тогда, когда началось их тело, и что они закончатся тогда, когда их тело умрет. Мы могли бы сказать, что подобная личность переживает себя как воплощенную... В отличие от этих «обычных» людей, ощущающих в моменты стресса частичное отделение от тела, существуют индивидуумы, которые живут, не будучи погруженными в свои тела, а скорее обнаруживают себя, как всегда и обнаруживали, неким образом отстраненными от тела. О подобном человеке можно было бы сказать, что «он» так и не стал олицетворенным и может говорить о себе как о более или менее невоплощенном» [11, с. 61].

Переживания, соответствующие воплощенности, определяя самовосприятие человека, объединяют его с большинством людей: «Воплощенная личность ощущает, что состоит из плоти, крови и костей, что она биологически жизнеспособна и реальна: такой человек осознает себя *субстанциональным*. В такой же степени, в какой он основательно находится «в» своем теле, он *ощущает личную непрерывность во времени*... Таким образом, у индивидуума в качестве отправной точки есть переживание своего тела как основания, на котором он может быть личностью вместе с другими людьми» [11, с. 62]. Переживание своего тела, возможно ввиду промежуточного положения тела в структуре бытия-в-мире, является прообразом переживания Другого, определяет «физиогномию» мира в целом, имеет особое значение для онтологической уверенности: «Индивидуум может переживать свое собственное бытие как *реальное, живое и цельное*; как отличающееся при

обычных условиях от остального мира настолько явно, что его индивидуальность и автономия никогда не ставятся под сомнение; как *континуум во времени*; как обладающее *внутренней согласованностью, субстанциональностью, подлинностью и ценностью*; как совпадающее пространственно с телом; и, обычно, как начавшееся в момент рождения или около того и подверженное уничтожению вместе со смертью. Таким образом, у человека есть твердая сердцевина онтологической уверенности» [11, с. 36]. Помимо этого уровня переживаний онтологической уверенности, можно говорить о другом уровне, на котором она представлена целостными переживаниями личностной автономии и связанности с миром и другими людьми, интегрирующими переживания базового уровня.

Уровень специфических переживаний онтологической уверенности – неуверенности

На этом уровне онтологическая уверенность соотносится с глобальными составляющими бытия-в-мире: **Я** и **Не-Я**. **Переживание автономии** соответствует их отделенности, **переживание связанности** – единству.

«Способность переживать самого себя как автономного означает, что человек действительно стал осознавать, что он есть личность, отделенная ото всех остальных. Неважно, насколько глубоко я привязан в радостях или горестях к кому-то еще, этот человек не является мной, а я – им. Как бы одинок или печален ни был человек, он может существовать один. Факт, что другая личность в своей собственной актуальности не является мной, противопоставляется равным образом реальному факту, что моя привязанность к нему есть часть меня. Если он умирает или уходит, исчезает он, но моя привязанность к нему остается. И по крайней мере, я не могу умереть смертью другого человека вместо него, да и он не может умереть моей смертью. Коли на то пошло (так Сартр комментирует мысль Хайдеггера), он не может любить вместо меня или принимать за меня решения, и я сходным образом не могу делать этого за него. Короче, он не может быть мной, а я не могу быть им» [11, с. 49]. В числе определений Р. Лэйнга, характеризующих автономию как переживание онтологической уверенности, следует упомянуть: ощущение автономии, реальности жизни индивидуальности [11, с. 116], «ощущение **Я**, надежно укорененное в здоровье и самообоснованности» [11, с. 36]; «надежно

заложенное ощущение индивидуальности» [11, с. 116] и др.

По мнению А.М. Руткевича, именно способность быть автономной индивидуальностью «Лэйнг считает главным условием «онтологической безопасности», которая наделяет человека одновременно «самоидентичностью» и способностью вступать в общение с другими» [16, с. 126]. Действительно, концепция Р. Лэйнга дает основание для того, чтобы отводить в переживании онтологической уверенности особую роль этому аспекту: «если индивидуум не ощущает себя автономным, это означает, что он обычным образом не может переживать ни отделенность от другого, ни связанность с ним» [11, с. 49], он обречен на «онтологическую зависимость» от других, «онтологическую привязанность» к ним ради сохранения, поддержания собственного бытия.

Вместе с тем Р. Лэйнг отмечает присущую любому человеку «общую потребность обладать собственным присутствием, быть одобренным или подтвержденным другим, потребность в признании собственной полной экзистенции; по сути, потребность быть любимым» [11, с. 125–126]. О.А. Власова ссылается на написанную в Глазго в 1954 году в период работы над «Расколотым Я», но неопубликованную работу Р. Лэйнга. В ней он усматривает самую большую ошибку антропологов и философов в их неспособности понять «фундаментальный потенциал» человека, который дается в Библии и выражается фразой «люби другого как самого себя». Этой ошибки при построении своей онтологии не смог избежать даже Хайдеггер. Лэйнг предполагает, что такие ошибки связаны с исключением человеческого взаимодействия из поля своих исследований Хайдеггером и другими феноменологами и экзистенциалистами. Лэйнг подчеркивает: «Связь между людьми – Ахиллесова пята онтологии» [2, с. 87].

Упоминание о любви объединяет Р. Лэйнга с его учителем Д.В. Винникоттом, который был буберианцем и придерживался мнения, что только отношение **Я – Ты** делает человека человеком [13, с. 92], а также с Ясперсом, считавшим подлинную коммуникацию (в идеале – любовь) высшим возможным событием в жизни двух людей, а наибольшим горем – ее отсутствие [по 8, с. 74], и с Л. Бинсвангером, определявшим в качестве основополагающего отношения любви отношение **Я–Ты**, видевшим в ней залог подлинности существования.

Диалектика отношений человека с другими людьми и миром заключается в том, что «реальность мира и Я» взаимно усиливаются благодаря непосредственным отношениям между Я и другим» [11, с. 80], Я может быть реальным только в связи с реальными людьми и вещами [11, с. 189], «индивидуальность достигается и поддерживается двумерно, она требует признания самой себя как другими, так и простого признания собой» [11, с. 146]. Суть вопроса «в двух словах» передает высказывание одного из пациентов Р. Лэйнга: «Я отрезал себя от людей и закрылся в себе. И я мог видеть, что в некотором смысле становишься мертвым, когда это делаешь. Нужно жить в мире *вместе* с другими людьми» [11, с. 142].

Концепция Р. Лэйнга, в которой не расставлены все точки над «и», дает возможность для рассмотрения автономии Я как центра индивидуального бытия, с одной стороны, и связей Я и Не-Я, с другой стороны, в качестве «равноправных» признаков надежного структурирования бытия. Во всяком случае, такой подход более созвучен современной психологии, с позиции которой со-бытие и само-бытность взаимно предполагают друг друга [17]. Соответственно онтологическая уверенность как уверенность в своем существовании может рассматриваться как объединяющая переживания собственной автономии и переживания себя в связи, единстве с людьми и миром.

Переживания как автономии, так и связанности с людьми и миром производны от экзистенциальных положений онтологической уверенности и воплощенности. «Усеченная» (существующая в основном ментально) личность испытывает дефицит автономии, отчуждение от мира. Схематически изложенная выше система понятий, соответствующих онтологической уверенности, представлена в обобщающей таблице.

Переживания онтологической уверенности «обычного человека» и характеризующие психологическое здоровье как идеальный предел

Уже отмечалось, что онтологической неуверенности шизоидов можно противопоставить не только относительную онтологическую уверенность большинства людей, воплощенных в собственном теле (что не исключает других форм отчуждения), но и онтологическую уверенность как некоторый идеальный предел, бытийствующее сознание, воплощенное, укорененное в мире.

Выделение людей, различающихся по характеристикам экзистенциальных положений уверенности (воплощенности), сопоставимо, в частности, с подходом А. Маслоу, который отличает обычных (самоактуализирующихся лишь отчасти) и собственно самоактуализирующихся людей (составляющих не более 1 % популяции).

Это различие может проявляться в уровне и характере автономии и связей с миром как составляющих онтологической уверенности. Автономия входит в качестве компонента в известные модели психологического здоровья и личностной зрелости (самоактуализации, осмысленности жизни, субъективного благополучия, жизнестойкости), представлена целым рядом градаций, находящихся отражение в ее переживании. Это относится и к другой характеристике онтологической уверенности, в большей мере отличающей ее от упомянутых моделей. Взаимосвязи человека с другими людьми и миром Р. Лэйнг характеризует не только как прямые, непосредственные, спонтанные, естественные как участие в жизни, диалектические, лишенные тревоги, приносящие удовольствие, но и как творческие, «индивидуальную встречу с миром посредством неотъемлемой самости» [11, с. 93], «изна-

Реконструкция системы понятий Р. Лэйнга, характеризующих континуум онтологическая уверенность – неуверенность

Элементы бытия-в-мире	Я (ментальное Я и тело)	Не-Я (другие люди, мир)
<i>Экзистенциальные положения, соответствующие конфигурации элементов бытия-в-мире</i>		
Онтологическая уверенность – неуверенность	Воплощенность (Я/тело) – другой – невоплощенность ментального Я в теле, Я – (тело-другой), Я – (тело-мир)	
<i>Переживания онтологической уверенности – неуверенности и их производные</i>		
Специфические, характеризующие отделенность и связанность Я и Не-Я	Личностная автономия – дефицит автономии	Связанность – изоляция или слияние
Неспецифические, общие для различных элементов бытия в мире	Реальность – нереальность; субстанциональность – несубстанциональность; подлинность – неподлинность и т.д.	

чальный союз **Я и Ты**», «взаимоотношение **Я – Ты**» [11, с. 9, 80], отношение привязанности, основанное на подлинной взаимности, отношение бытия к бытию, обмен между двумя бытиями, «конгениальными» друг другу [11, с. 86], соучастие без потери бытия, переживание себя «вместе с остальными людьми», ощущение «меня-и-тебя-вместе», «мы-йности», прорыв к тому, что Л. Бинсвангер называет дуальным модусом бытия в мире [11, с. 155]. Очевидно, большинство приведенных характеристик описывают скорее «идеальную форму» отношений, чем реальные отношения людей.

На основе описанных выше уровней переживаний нами разработаны методики, операционализирующие понятие онтологической уверенности.

Первая методика, основанная на принципе семантического дифференциала, соотносится с описаниями базового уровня переживаний онтологической уверенности. В качестве пунктов в ней используются, в частности, определения Р. Лэйнга. С их помощью респондент оценивает элементы бытия-в-мире, в качестве которых выступают собственное Я, тело, мир, люди, значимое как индивидуальная ценность, которая может относиться к любой из предыдущих категорий. Частные аспекты уверенности, относящиеся к перечисленным бытийным опорам, объединяет общий показатель. Методика прошла проверку на конструктивную, конвергентную, дивергентную валидность [4].

Вторая методика – психометрическая, в настоящее время проходит проверку, ее структурное содержание представлено шкалами: «витальные контакты с миром», «витальные контакты с людьми», «автономия» и «ложное Я» [6].

Литература

1. Валентурова, Н.Г. Современный человек в поисках смысла / Н.Г. Валентурова, О.А. Матвейчев. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2004. – 260 с.
2. Власова, О.А. Антипсихиатрия: становление и развитие / О.А. Власова. – М.: Изд. РГСУ «Союз», 2006. – 221 с.
3. Выготский, Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. / Л.С. Выготский. – М.: Педагогика, 1984. – Т. 4. – 432 с.
4. Коптева, Н.В. Онтологическая уверенность: теоретическая модель и диагно-

стика: монография / Н.В. Коптева. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т., 2009. – 158 с.

5. Коптева, Н.В. Концепция онтологической неуверенности–уверенности / Н.В. Коптева // Сибирский психологический журнал. – 2010. – № 37. – С. 66–70.

6. Коптева, Н.В. Онтологическая уверенность как переживание и ее психологическая диагностика / Н.В. Коптева // Известия Самарского научного центра РАН. Серия «Педагогика и психология». – 2010. – Т. 12. – №5 (3). – С. 690–697.

7. Косилова, Е.В. Творчество Р. Лэйнга и антипсихиатрия: истоки явления / Е.В. Косилова // Вестник МГУ. Серия «Философия». – 2000. – № 1. – С. 97–100.

8. Косилова, Е.В. Культурологический анализ научной парадигмы в психиатрии на примере антипсихиатрии и философии Р. Лэйнга: дисс. ... канд. филос. наук / Е. Косилова. – М., 2002. – 216 с.

9. Лейбин, В. Постклассический психоанализ: энциклопедия / В. Лейбин. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 1022 с.

10. Леонтьев, Д.А. Психология смысла / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1999. – 487 с.

11. Лэнг⁴, Р.Д. Расколотое «Я» / Р.Д. Лэнг. – СПб.: Белый Кролик, 1995. – 352 с.

12. Мадди, Сальваторе Р. Смыслообразование в процессе принятия решений / Сальваторе Р. Мадди // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26. – № 6. – С. 87–101.

13. Немировский, К. Винникотт и Кохут: новые перспективы в психоанализе, психотерапии и психиатрии / К. Немировский. – М.: Когито-Центр, 2010. – 217 с.

14. Пашинский, А.И. Проблема «несчастливого сознания» в экзистенциальном психоанализе Р. Лэйнга / А.И. Пашинский // Вестник МГУ, серия «Философия». – 1989. – № 1. – С. 60–69.

15. Рубинштейн, С.Л. Проблемы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – М., 1976. – С. 253–381.

16. Руткевич, А.М. От Фрейда к Хайдеггеру: критический очерк экзистенциального психоанализа / А.М. Руткевич. – М.: Политиздат, 1985. – 175 с.

17. Слободчиков, В.И. Интегральная периодизация общего психического развития / В.И. Слободчиков, Г.А. Цукерман // Вопросы психологии. – 1996. – № 5. – С. 38–50.

18. Тихонравов, Ю.В. Экзистенциальная психология: учебно-справочное пособие /

Ю.В. Тихонравов. – М.: ЗАО «Бизнес-школа Интел-Синтез», 1998. – 238 с.

19. Фромм, Э. Здоровое общество / Э. Фромм // *Психоанализ и культура: избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма*. – М.: Юрист, 1995. – С. 273–596.

20. Хайдеггер, М. *Время и бытие: Статьи и выступления* / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

21. Laing, R.D. *The Divided Self An Existential Study in Sanity and Madness* / R.D. Laing. – Harmondsworth. – 1965. – 211 p.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФНФ, грант 10-06-82-607а/У.

² Р. Лэйнг преимущественно обозначает феномен термином *ontological security* (онтологическая безопасность), однако в оригинале в качестве его синонима встречается и слово *certainty* (Laing, 1965, p. 41, 48), которое переводится как «уверенность». Ему отдано предпочтение в русской версии книги.

³ Здесь и далее курсив наш (Н.В. Коптева).

⁴ Более распространенный вариант перевода фамилии Лэйнг.

Поступила в редакцию 10 мая 2011 г.

Коптева Наталия Васильевна. Кандидат психологических наук, доцент кафедры практической психологии, Институт психологии Пермского государственного педагогического университета, г. Пермь; e-mail: kopteva@perm.ru.

Natalia V. Kopteva. The candidate of psychological sciences, docent, Perm State Pedagogical University, Perm; e-mail: kopteva@perm.ru.